

условно, потребует более пристального внимания к этническим процессам в связи с результатами современного научно-технического прогресса.

На конгрессе была организована большая книжная выставка, насчитывающая около 2000 книг по различным отраслям социальных наук. Она получила образное название «безмолвный конгресс». Ряд стран достаточно полно и всесторонне экспонировал свою социологическую литературу: Франция (400 книг), Польша (145 книг), СССР (около 300 книг), Болгария (160 книг), ГДР (140), Румыния (137). На выставке были представлены и труды Института этнографии АН СССР². В некоторых рабочих звеньях конгресса были организованы выставки специальной литературы. Большим успехом, например, пользовалась выставка советских книг по социоллингвистике, организованная Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций».

В ходе работы конгресса было создано несколько новых Исследовательских комитетов — по социологии и планированию, социотехнике, социальной экологии, социальной психологии и др. Исследовательские комитеты представляют собой удобную форму работы в период между конгрессами, дают возможность проводить аналитические исследования ряда проблем и поддерживать организационные и научные связи между учеными разных стран. В 1972 г. в Ленинграде решено провести заседание Исследовательского комитета по социологии семьи. Рассматривается вопрос о проведении в СССР международного симпозиума по социоллингвистике. Запланирован также ряд международных конференций, семинаров и встреч социологов.

По инициативе дирекции Института этнографии АН СССР и Комитета по этносоциологии при Советской социологической ассоциации на конгрессе образована Подготовительная комиссия по созданию Исследовательского комитета по этносоциологии. В эту группу от СССР вошла Ю. П. Петрова-Аверкиева.

На конгрессе был избран новый Исполнительный Комитет Всемирной социологической ассоциации в составе: президент Р. Хилл (США), вице-президенты — Ж. Ошавков (Болгария), Т. Б. Ботомор (Англия), А. Е. Солари (Чили), члены Исполкома — Л. Розенмайер (Австрия), Г. Гиндон (Канада), А. Пагани (Италия), Г. В. Осипов (СССР), Э. К. Шойх (ФРГ), М. Н. Сринивас (Индия), К. Мориока (Япония).

Успех советской делегации на конгрессе был бы еще более значительным, если бы все советские доклады были переведены на один из рабочих языков конгресса — английский или французский. В целом ряде секций, рабочих групп и других звеньев конгресса огромный интерес зарубежных социологов, особенно из стран «третьего мира», к Советскому Союзу, к его общественно-экономической жизни, решению национального вопроса, опыту языкового строительства, наконец, вообще к советскому образу жизни, не был полностью удовлетворен лишь потому, что доклады, отпечатанные только на русском языке, оказались труднодоступными для зарубежных коллег. Учитывая постоянно растущий интерес за рубежом к нашей стране, советские общественные науки, в том числе социология и этнография, должны не только широко пропагандировать советский опыт и успехи Советского Союза в изданиях на русском языке, но и помочь преодолеть языковой барьер всем тем, кто искренне желает знать правду об СССР, кто намерен идти по пути прогресса, используя при этом и достижения советских общественных наук.

М. Н. Губоло

² «Против расизма», М., 1966; «Документы обличают расизм», М., 1968; «„Нет!“ — расизму», М., 1969; Мартин Лютер Кинг, Есть у меня мечта, М., 1970; «Народы против расизма», М., 1970; «Кубанские станицы», М., 1967; Ю. В. Арутюнян, Опыт социологического изучения села, М., 1968; его же, Колхозное крестьянство в годы Великой отечественной войны, М., 1970; В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969; Я. Р. Винников, Экономика, культура и быт туркменского крестьянства, М., 1968; «Быт и культура народов Северного Кавказа», М., 1968; «Этнографическое изучение узбекского сельского населения», М., 1969; «Этнические процессы в странах Зарубежной Европы», М., 1970; несколько номеров журн. «Советская этнография» и многочисленные отклики статей, освещающих ход и направление современных этнических процессов в СССР.

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

С 17 по 23 августа 1970 г. в Таллине состоялся III Международный финно-угорский конгресс. В его работе приняло участие 460 делегатов, представлявших 16 стран. Наиболее многочисленными были делегации Советского Союза, Венгрии и Финляндии, где существуют давние традиции финно-угроведения. Было проведено 4 пленарных заседания; кроме того, работало 14 секций.

На пленарные заседания было вынесено шесть докладов. Э. Итконен (Хельсинки) проанализировал последние достижения финно-угорского языкознания. Б. Влкман (Упсала) в докладе «Изучение лопарского языка в Швеции» рассказал о последних работах в этой области и заметил направления дальнейших исследований. Фольклору был посвящен доклад Д. Ортутай (Будапешт) «Древнейшие пласты наших народных сказок»¹. К. Марк (Таллин) изложила выводы о происхождении финно-угорских народов, сделанные ею на основании антропологических материалов, собранных в течение последних 15 лет; по мнению К. Марк, прародина финно-угров и самодийцев находилась в Приуралье. Один из выдающихся знатоков пермского языка В. Лыткин (Москва) выступил с докладом о вокализме первого слога финно-угорских языков. Д. Лакс (Будапешт) дал характеристику работ классика венгерского финно-угроведения Яноша Сайновича.

На заседаниях секций было заслушано более 260 докладов, что в четыре раза превышает число докладов, вынесенных на секционные заседания I конгресса финно-угроведов в Будапеште (1960 г.).

Более половины всех докладов на секциях было посвящено проблемам лингвистики. На секции «Общее финно-угорское языкознание» было представлено 25 докладов. Большой интерес представляли сообщения П. Хайду, И. Галкина, А. Рота, Я. Гуя и др. о происхождении отдельных финно-угорских языков. П. Хайду (Сегед) рассказал о соотношении уралистики и ареальной лингвистики. Он отметил, что при изучении финно-угорских языков необходимо шире учитывать языковые тенденции, общие для различных неродственных языков одной географической зоны. А. Рот (Ужгород) говорил о связях между финно-угорскими и индоевропейскими языками. В докладе И. Галкина (Йошкар-Ола) «Некоторые вопросы проницаемости языков» был поставлен вопрос о языковых контактах при билингвизме применительно к финно-угорским языкам. Я. Гуя (Будапешт) в докладе «Существовало ли финно-угорское единство?» на основании исследования языковых параллелей выдвинул предположение о том, что уже в финно-угорском языке существовали северные и южные группы. В остальных докладах освещались проблемы общего финно-угорского языкознания. Ряд ученых охарактеризовал состояние изучения финно-угорских языков в различных странах.

На заседаниях секции «Прибалтийско-финские языки» более трети докладов было посвящено исследованию эстонского языка, остальные — изучению финского, карельского, ливского языков. Обсуждались также проблемы связи между прибалтийско-финскими языками. А. Матвеев (Свердловск) в докладе «Отражение перехода S > h в субстратной топонимике русского Севера» рассмотрел, как отражаются законы фонетики в топонимических названиях. А. Ванагас (Вильнюс) отметил наличие финно-угорского субстрата в литовской топонимике.

На секции «Угорские языки» выступали главным образом венгерские лингвисты. Они осветили проблемы исследования венгерского языка, его контактов с другими финно-угорскими языками. Темой ряда докладов было изучение обско-угорских языков.

Значительная часть докладов на секции «Волжские языки» была построена на материалах исследований мордовского языка, остальные — марийского языка. На секции «Пермские языки» говорилось о проблемах развития коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Ряд докладов по проблемам лингвистики был прочтен на секциях «Самодийские языки» и «Саамский язык».

Этническими проблемами занимались две секции: «Этнография» и «Верования и обряды». Б. Коромпай (Будапешт) посвятил свой доклад сравнительным этнографическим исследованиям на территориях расселения финно-угров. Он дал характеристику финно-угроведения как направления этнографии, очертил область исследований и предложил пути наиболее эффективного взаимодействия финских, советских и венгерских ученых. Т. А. Крюкова (Ленинград) рассмотрела этнографические термины Волго-Камья как один из источников для анализа памятников материальной культуры и искусства. Эти термины позволяют вскрыть назначение вещи, уточнить технику ее изготовления, определить ареал бытования. А. Вийрес (Таллин) показал генезис лошадиной дуги, изобретенной финно-угорскими народами (прибалтийскими финнами) и заимствованной восточными славянами. И. Балашша (Будапешт) дал обзор первых сравнительных исследований материальной культуры финно-угров и подчеркнул значение сравнительного метода, впервые примененного Я. Янко при изучении культуры венгров, финнов и хантов в конце XIX — начале XX в. В докладе Ю. У. Э. Лехтонена (Хельсинки) «Путешествие У. Т. Сирелиуса к обским уграм и публикация материалов» было рассказано о знакомстве У. Т. Сирелиуса с Я. Янко, о путешествиях ученого к хантам и манси. Докладчик охарактеризовал собранные У. Т. Сирелиусом материалы, которые будут опубликованы на немецком языке по инициативе Финно-угорского общества. С. Циимерманис (Рига) на основе детального анализа терминологии выявил общие элементы в орудиях лова рыбы у финнов и латышей в XIX — начале XX в. А. Лутс (Тарту) выступил с докладом «Сараи для хранения сетей на эстонском побережье». Он показал отличия местных вариантов этих построек от аналогичных сооружений у соседних народов. Вопрос об областях миграций сельских жителей, переместившихся в северную Эстонию из Финляндии в XVII в., был затронут в докладе Э. Эпик (Таллин). Л. Н. Жеребцов (Сыктывкар) остановился на проблемах переселения коми на Алтай, показал

¹ Эти доклады опубликованы в журнале «Советское финно-угроведение», 1970, № 3.

их сближение с русскими, отметив особенности этого процесса: двуязычие, смешанные браки и т. п. В докладе З. П. Соколовой (Москва) «К вопросу о социальной организации у обских угров (о роде у хантов и манси)» на основе анализа этнографической литературы было высказано мнение, что у этих народов отсутствует род. Докладчик отметил характерную особенность хантов и манси: четкое деление их на две дуально-эксогамные группы. М. Гавацци (Загреб), проведя сравнительный анализ женских наспинных украшений финно-угров Поволжья и народов Юго-Восточной Европы, проследил их типически сходные черты и высказал мнение, что они ведут свое начало с эпохи бронзы.

Н. Валонен (Хельсинки) изложил задачи и программу исследований, связанных с изменениями в жизни деревни под влиянием индустриализации. В докладе «К изучению изменений небольших человеческих группировок» П. Ковалайнен (Хельсинки) было рассказано о применении метода интервьюирования (анкет и вопросов) при исследовании изменений в традициях карельской (1965 г.) и финской (1967 г.) деревни; Н. Шлыгина (Москва) и Г. Троска (Таллин) охарактеризовали формы и типы эстонских деревень. Анализ многодворных поселений позволил выявить два варианта деревень рассеянной планировки. К. Чиллер (Будапешт) сопоставила конструкцию и планировку венгерских конических шалашей с северными чумами, известными в Евразии. Их сходство позволило сделать вывод о том, что предки венгров пришли на свою теперешнюю родину с востока. Арханческие черты финно-угорского происхождения были обнаружены в венгерской народной архитектуре Л. Варга (Будапешт). «Проблемы этнической традиции в постройках прибалтийско-финских народов» — так назывался доклад А. Петерсона (Тарту). Докладчик рассказал о методике исследования некоторых строений в Прибалтике и показал связь происхождения и развития построек прибалтийских финнов с историей этого народа, а также с влиянием географической среды. А. Моора (Таллин) выделила ряд древних финно-угорских элементов в эстонской народной культуре: древние типы очагов, женской одежды и некоторые ритуальные церемонии.

В докладе Т. И. Кауконен (Хельсинки) говорилось о контактах между Финляндией и Эстонией в области народного текстильного производства. Черты сходства между финскими и эстонскими тканями, вязаными и плетеными изделиями позволяют сделать вывод о том, что эти народы заимствовали друг у друга технику и мотивы изготовления таких вещей в процессе обменных и торговых отношений. В докладе В. Н. Белицер (Москва) «Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды)» говорилось о связях мордвы с финнами Поволжья и русским населением. Докладчиком был дан анализ различных типов мордовской одежды, головных уборов и украшений. Доклад Я. Кодолани (Будапешт) «К происхождению обско-угорской нижней одежды» основан на изучении музейных коллекций и источников XVIII в. Автор предполагает, что женская нательная одежда (рубашки и штаны) появилась у обских угров раньше, чем это считалось до сих пор, благодаря их связям с татарами и другими народами.

Интересные данные о питании финской женщины после родов привела А. М. Рейтля (Хельсинки). Аналогии в приготовлении традиционных блюд для роженицы в разных странах, по мнению А. М. Райниля, имеют рациональное значение. Я. Кешикова (Будапешт) поставил вопрос о выявлении древнейших традиционных способов консервации молока у венгров. Были рассмотрены два способа консервирования, терминология, связанная с этим процессом. К. Вилкун (Хельсинки) показал функции лопарского зимнего поселения в Финляндии, изучавшегося в 1937—1938 гг. в связи с годовым хозяйственным циклом. Анализировались причины исчезновения некоторых лопарских селений. Л. Такач (Будапешт) остановился на археологических находках нескольких типов серпов и показал их распространение и развитие. В. Калитс (Тарту) посвятила свое выступление различным способам обработки льна в разных районах Прибалтики.

Ряд докладов на секции «Верования и обряды» был посвящен изучению свадебной обрядности у финно-угорских народов. М. Л. Хейкмяки (Хельсинки) рассказала об обычае одаривания невестой родственников жениха и других гостей на свадьбе. В докладе рассматривался ареал распространения этого обычая. Ю. Ю. Сурхаско (Петрозаводск), изучающий национальные особенности свадебной обрядности карел КАССР, охарактеризовал два варианта карельской свадьбы — северокарельский и южнокарельский. Э. Киуру (Петрозаводск) на материале ижорских свадебных песен выявил древний обряд похищения невесты у ижор. Р. Кельштрем (Стокгольм) посвятил свой доклад особому персонажу лопарского сватовства, который выступал посредником между родителями жениха и невесты, а также был наставником молодых.

Л. Виртанен (Хельсинки) в докладе «Дворовые сообщества детей как объект изучения» остановился на формах связей между детьми, живущими на одной сравнительно небольшой территории, на возникновении традиций этих объединений. Р. Вийдалеп (Таллин) прочел доклад «Посиделки девушек на острове Кихну».

В. Аккорин (Йошкар-Ола) посвятил свое выступление вопросу о происхождении театральных масок финно-угорских народов. Он сделал попытку выявить генетические корни масок, используемых в театрализованных представлениях. Л. С. Грибова (Сыктывкар) высказала гипотезу о связи образов пермского звериного стиля с древней идеологией — тотемизмом. Ю. В. Гагари (Сыктывкар) рассказал о сочетании нацио-

нального и интернационального в обрядности коми, о новых советских праздниках, в которых используются национальные традиции.

Культу предков у финно-угорских народов Поволжья было посвящено сообщение Н. Ф. Мо к ш и н а (Саранск). Докладчик полагает, что возникновение и развитие этого культа связано с патриархатом. П. К. Поздеев (Ижевск) связал цикл удмуртских песен проводов осени и весны с охотничьим бытом далеких предков современных финно-угров. И. К е м п и н е н (Хельсинки) в докладе «Отношение верований карельской старины к урало-алтайским, индоевропейским и древним религиям Ближнего Востока» доказывал, что самые древние черты карельских верований — урало-алтайские по происхождению (элементы шаманства, мифы о создании мира). Индоевропейские черты карельских верований, напротив, позднейшего характера (темы Калевалы). Представления о царстве мертвых связаны с религиями стран Востока.

На секции археологии интересные доклады были посвящены древнейшим этапам этнической истории финно-угров: А. Х а л и к о в (Казань) «Древние этапы развития финно-угорской этнической общности», В. Г е н и н г (Свердловск) «Древнейшее расселение уральских народов» и И. Э р д е л и (Будапешт) «К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани». Э. К е м п и с т и (Варшава) показала распространение культур с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Польши. О южной границе распространения этой керамики говорил Д. Я. Т е л е г и н (Киев). Г. А. П а н к р у ш е в (Петрозаводск) исследовал древнейшие этногенетические процессы в Карелии и Финляндии. Е. И. Г о р ю н о в а (Москва) привела новые данные о дьяковской культуре. Исследование материалов Зуевского могильника позволило Д. Л а с л о высказать ряд мыслей относительно древней истории финно-угорских народов. Восемь докладов сделали эстонские ученые: Л. Я а н и т с — о неолите Эстонии и Латвии, В. Л ы у г а с — о ранней бронзе Эстонии, С. Л а у л ь — об отношениях южных эстонцев с соседями в I тысячелетии н. э., Э. Т ы н и с с о н — о населении северной Латвии в I тысячелетии до н. э. — II тысячелетии н. э., А. В а с с а р — о формировании древних эстонских уездов, Ю. С е л и р н и д — о захоронениях начала II тысячелетия н. э., А. М о л в ы г и н — об эстонской нумизматике XII—XIII вв., В. Т р у м м а л — о возникновении поселения городского типа Тарту.

В докладе Е. Х а л и к о в о й (Казань) рассматривался вопрос о финском компоненте в формировании населения Волжской Булгарии. В. И. К а н и в е ц (Сыктывкар) рассказал о древнем святилище в Большеземельской тундре, Ю. А. С а в в а т е е в (Петрозаводск) — о новых находках наскальных изображений. Э. А. С а в е л ь е в а (Сыктывкар) остановилась на локальных вариантах культуры древних коми-зырян.

Секция антропологии провела два заседания: Ю. А у л ь (Тарту) рассказал об итогах проведенных за последнее десятилетие антропологических исследований эстонских уащихся. Доклад Г. Л. Х и т ь (Москва) был посвящен дерматоглифике финно-угорских народов. Финно-угорские материалы сравнивались здесь с аналогичными данными по другим народам. В докладе Х. Ф о р с н у с а и Х. Л у у к к а (Олулу) приведены сравнительные данные о строении глаз финских саамов, с одной стороны, и финнов и эскимосов — с другой. Темой доклада А. В. Э р и к с с о н а было изучение генетики человека на основе материалов, собранных у финских саамов. Р. Д е н и с о в а (Рига) дала характеристику двух антропологических типов прибалтийских финнов на территории Латвии во второй половине I — начале II тысячелетия н. э., М. С. А к и м о в а (Москва) в докладе «Некоторые вопросы формирования антропологического типа восточных финнов и обских угров» обобщила значительные материалы, собранные ею за последние годы. Три доклада осветили ход антропологических исследований в Венгрии. Т. Т о т (Будапешт) говорил о проблеме происхождения древних венгров, П. Л и п т а к (Сегед) — об этнических процессах среди древних венгров в период VI—XII вв. Я. Н е м е ш к е р и (Будапешт) остановился на вопросах финно-угорского происхождения и антропологии венгров.

Часть докладов на секции «Народная поэзия» — финна М. К у у с и, эстонцев А. К р и к м а н н, В. П и н о, Э. Н о р м а н, И. С а р в и и марийца А. К и т и к о в а была посвящена пословицам. О сущности и первоначальных возникновении некоторых фольклорных жанров говорил Ф. П л е с о в с к и й (Сыктывкар) в докладе «Миф, сказка и эпос». П. Л е й н о (Хельсинки) поставил вопрос об органической связи между формой и содержанием в народной поэзии. У. К о н к к а (Петрозаводск) рассказала об изучении генетических корней карельских причитаний, В. Е в с е е в (Петрозаводск) — о песнях финно-угорских народов на новых местах их бытования, В. Ф о й г т (Будапешт) сделал попытку определить восточную географическую границу прибалтийско-финского фольклора.

Кардинальные проблемы были рассмотрены на секции «Литература». П. Д о м о к о ш (Будапешт) показал источники формирования художественной литературы у младодписемных финно-угорских народов. Той же теме коснулся М. Г. В о с к о б о й н и к о в (Ленинград) в докладе «Литература ненцев и обских угров». О развитии литературы и эпоса финно-угорских народов говорили венгры Т. К л а н и ц а й, И. К и ш, эстонец Н. М. Б а с с е л ь, финн В. К а у к о н е н, О. А. В е б е р м а н н (ФРГ). Литературными связям и контактам были посвящены сообщения О. К р у у с а (Таллин), К. Л а й т н е н а (Хельсинки) и др. Д. Р а д о (Будапешт), Г. Л а б а д и (Сегед) анализировали городской эпос Калевала и Калевилпоэг. В докладе А. В а н е е в а (Сыктывкар) рассматривались проблемы языка и стихосложения коми.

На секции «Народная музыка» Д. Сомяш-Шиферт (Будапешт) говорил о типах мелодий, характерных для финно-угорских народов, об их развитии и изменении. Тартуские ученые У. Колк и И. Рюйтель на основе анализа некоторых эстонских народных мотивов сделали некоторые выводы общего характера. Л. Викар (Будапешт) посвятил свой доклад народной музыке удмуртов севера Татарской АССР, П. Чисталев (Сыктывкар) — народным музыкальным инструментам коми, С. Н. Кондратьева (Москва) — многоголосию в музыке карелов и других финно-угорских народов.

Оргкомитет конгресса и Академия наук Эстонской ССР провели ряд интересных экскурсий: для археологов — знакомство с археологическими памятниками республики, для этнографов — экскурсии в западноэстонскую деревню и в Парк-музей, где были показаны народные танцы. Для всех делегатов была организована экскурсия в г. Тарту, где они осмотрели старейший университет и этнографический музей с прекрасной экспозицией «Финно-угорское народное искусство». Большой интерес представляет образцовая организация хранения и обработки экспонатов. Участники конгресса ознакомились также со специально созданной на время его работы выставкой литературы по финно-угроведению.

Делегаты отметили плодотворность подобных встреч и контактов ученых, занимающихся проблемами финно-угроведения в смежных науках.

Оргкомитет принял решение о проведении следующего IV конгресса финно-угроведов в Будапеште в 1975 г.

З. П. Соколова

НА XVII КОНГРЕССЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Очередной конгресс югославских фольклористов состоялся в сентябре 1970 г. в старинном городке Порече, расположенном на западном побережье Истринского полуострова. В работе конгресса приняли участие свыше 140 югославских специалистов в области разных видов народного искусства, а также фольклористы Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Дании, Италии, США и ФРГ. Советский Союз был представлен Е. Б. Вирсаладзе (Институт истории и этнографии АН Грузинской ССР), Б. Н. Путиловым (Институт этнографии АН СССР), В. Е. Гусевым и И. И. Земцовским (Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии).

На конгрессе обсуждались три основных вопроса: 1) народное творчество Истрии; 2) перспективы народного творчества в современных общественных условиях; 3) методы собирания, изучения и научной оценки народного искусства. Эти проблемы рассматривались на пленарных заседаниях конгресса и в 10 секциях: музыкального фольклора, народного творчества, этнических проблем, классификации полифонических форм, детского фольклора, народного анекдота, магии, народной хореографии, народной инструментальной музыки. Теоретическая секция обсуждала проблему соотношения национальных и общечеловеческих элементов в фольклоре.

На пленарных заседаниях было заслушано более 40 докладов, а на секциях — свыше 80.

Тема первого пленарного заседания — «Народное творчество Истрии» — обусловлена местом проведения конгресса. Истрия — полуостров, отошедший после второй мировой войны от Италии к Югославии, отличается большой пестротой и сложностью социально-исторических, этнических и культурных традиций.

Связям материальной культуры местного населения с его историей, современной жизнью, трудом и бытом были посвящены содержательные доклады директора Загребского этнографического музея Е. Радауш-Рибачич и специалиста по народной архитектуре А. Фрейденрейха. С интересными докладами, давшими полное представление о музыке, танцах, народном театре и народных играх, о сказках и песнях населения Истрии — хорватов, словенцев и итальянцев — выступили известные фольклористы: директор Загребского института народного искусства М. Бошковиц-Стулли, директор Института словенской этнографии М. Матичетов, крупные специалисты в области народного театра Н. Бонифачич и Н. Курет, знаток народных танцев И. Иванчан и др.

Во время дискуссии, посвященной объяснению особенностей местной культуры, среди югославских ученых обнаружились разногласия. Одни делают акцент на национальных различиях, другие стремятся раскрыть общие для разных национальных групп черты, возникающие в процессе культурного сотрудничества в новых общественных условиях. Дискуссия отразила в какой-то мере обострившийся в последнее время в Югославии спор по проблемам национальной культуры.